

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna KONEVA

| Другой в пространстве репрезентации: о книге Е. Н. Шапинской «Образ Другого в текстах культуры» |

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna KONEVAРоссия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии.
Заведующая сектором. Кандидат философских наук, доцент.Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research.
Head of department. PhD in philosophy, senior lecturer.akoneva@list.ru

ДРУГОЙ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: О КНИГЕ Е. Н. ШАПИНСКОЙ «ОБРАЗ ДРУГОГО В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ»

В статье дается анализ образа Другого с позиции современной философской рефлексии, представленной в книге Е. Н. Шапинской. Другой в рецензируемой работе представлен как концепт, которые обретает репрезентации. Особое внимание уделяется критике некоторых введенных автором понятий — таких как «экзистенциальный Другой», рассмотрению антропологических и социальных оснований анализируемых в книге репрезентаций.

Ключевые слова: образ Другого, гендер, субкультура, постсубкультура, этнический Другой, толерантность, репрезентация

The Other in the Space of Representation: The Book on E. N. Shapinskaya's "Image of the Other in Cultural texts"

The paper analyzes the image of the Other from the position of contemporary philosophical reflection, as presented in E. N. Shapinskaya's book. In the reviewed work, the Other is presented as a concept with various representations. Particular attention is paid to some criticism of the concepts introduced by the author — such as the "existential other"; anthropological and social reasons of representation of the Other are also analyzed and discussed in this book.

Key words: image of the Other, gender, subculture, post-subculture, the ethnic Other, tolerance, representation

Понятие и образ Другого — одна из актуальных тем современной гуманитаристики. Собственно, началом теоретического поля, следует полагать феноменологию, которая открыла методологию изучения Другого. Благодаря идеям и текстам Э. Гуссерля, Э. Левинаса, Б. Вальденфельса стало очевидно, что Другой не может быть дан нам в презентации, непосредственно. Для сознания, изначально выстраивающего свои

наризм и обладающего интенциональностью, Другой может быть дан — по Гуссерлю, как он говорит об этом в пятом «Картезианском размышлении»¹ — лишь в аппрезентации, то есть через соприсутствие. Это Другой как Другое Я — тот самый, образы которого исследует Е. Н. Шапинская в своей книге. Продолжая следовать феноменологической традиции, мы выстраивали бы ряд Других через левинасовского Иного к Чужому Вальденфельса, тем самым, теряя связь с аппрезентацией, как возможным соприкосновением с Другим. В книге Е. Н. Шапинской, однако, нам представлены и Иной, и Чужой — а основанием встречей с Другим оказывается не столько деятельность интенционального сознания и гуссерлевская аппрезентация, сколько репрезентация как специфическое «пространство» культуры начала XXI века, которую Е. Н. Шапинская характеризует как постсовременность или *late modernity*.

Такой подход сразу ставит автора перед необходимостью определить существенные черты постсовременности, при-

¹ См.: Гуссерль Э. Картезианские размышления. — СПб.: Наука, 2001. — С. 224–225, 243–245

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna KONEVA

| Другой в пространстве репрезентации: о книге Е. Н. Шапинской «Образ Другого в текстах культуры» |

чем, по-видимому, в противопоставлении с тем, что было прежде. Вот это «прежде» оказывается необычайно трудным для определения — ибо автор начинает с констатации плюрализма современной культуры, «граничности», множественности смыслов² (глава 1. «Другой» как теоретическая проблема). Гипотезой или, возможно, тезисом главы становится утверждение, что «в новом культурно-пространственном измерении четкость приемлемых еще в середине прошлого века бинарных оппозиций типа «традиция/современность», «запад/восток», «свой/чужой», начинает утрачиваться, а сами модели теряют свою категоричность»³. Пафос автора — в необходимости создания «новых методов и подходов к плюралистическому миру этой культуры»⁴. Эти методы Е. Н. Шапинская ищет в широком спектре современных концепций — от традиционных исследований Другого, среди которых выделяются три направления — эволюционизм, релятивизм и универсализм — до постмодернистской теории культуры и ее влияния на дискурс «другости». Автор книги анализирует картину смещения акцентов в отношении «другости» и выделяет три способа отношения к «Другому»: отторжение, присвоение и сосуществование. Нельзя, впрочем, сказать, что это ново, на протяжении истории культуры всегда существовали именно эти три формы отношения с Другим, равно как и в текстах культуры были представлены все эти три модели. И, по-видимому, сам методологический посыл, принимающий во внимание отличие современной эпохи от предшествующих, недостаточно теоретически выверен, ибо, выделяя типы Другого для исследования, автор вынуждена обращаться к «базовым оппозициям человеческой культуры: «Я-Другой», «Восток-Запад», «Мужское-Женское», «Центр-Периферия», «Природа-Культура»⁵.

Таким образом, выясняется, что бинарные оппозиции никуда не делись, и утверждение плюралистичности и мозаичности должно покоиться на исследовании этих универсальных антропологических структур сознания⁶. Собственно, даже авторская позиция — выбор типов исследования — задана этими же антропологическими структурами воображения, а сам «образ Другого» остается тем самым образом, который задает вектор обретения идентичности. Изучая системы образов, которые существуют в искусстве, мифологии, социальных стереотипах, мы можем говорить о разных способах объективации воображаемого в культуре. И здесь Е. Н. Шапинская оказывается абсолютно права, говоря о специфике «постсовременности» — ее специфика именно в способе объективации воображаемого. Способы, а не основания воображаемого, оказываются плюралистическими, именно поэтому правомерно говорить об исследовании Другого в его репрезентациях.

Можно сказать, что феноменологические штудии оказались не «сняты» постмодернистским дискурсом, и здесь плодотвор-

ным было бы исследование связи между аппрезентацией, как ее понимал Гуссерль, и репрезентацией (репрезентациями), как их трактует современный культурологический дискурс. В книге Е. Н. Шапинской понятиям «репрезентация» и «текст» отведено довольно много места. Автор оперирует современной англоязычной литературой, подробно прослеживая мысль современных исследователей Д. Харви, Т. Иглтона, Л. Хатчеона, Г. Грэхема. Обращение к широкому корпусу самой современной исследовательской литературы следует назвать одним из важных достоинств книги. Е. Н. Шапинская — один из немногих теоретиков, кто опирается преимущественно на труды современников, вступает с ними в продуктивный диалог. При этом, понимая, что широкому читателю работы современных англоязычных теоретиков могут быть неизвестны, автор книги излагает теории, на которые ссылается или с которыми дискутирует.

В своей работе Е. Н. Шапинская рассматривает тексты культуры, модели «другости» и, собственно, репрезентации образа Другого. Автор подчеркивает важность расстановки «акцентов в репрезентации Другого — то, как он показан или то, как о нем рассказано»⁷. И то, и другое зависит от культурноопределенной — и соотнесенной с нормой — модели «другости», хотя она и может меняться в зависимости от жанра текста. Особое внимание автор уделяет анализу экранных текстов и взаимодействиям между экранным и литературным текстом, основанным на железной идее соединения концепта с образом, как двух взаимонаправленных движений. Автор считает, что «именно такое соединение образа и мысли присутствует в наиболее качественных экранных текстах и делает их пространством не только репрезентации многочисленных образов Другого, но и рефлексии о месте этого Другого в культуре и обществе»⁸. Предполагается, что именно эти качественные экранные тексты и стали предметом анализа автора в последующих главах, хотя автор оговаривает, что выбор текста зависел от «яркости репрезентации», а типы Другого выделены в соответствии с границами, «линиями раздела», проходящим через современное общество.

Что же это за линии раздела? Начиная с 3 главы автор исследует образы Другого как иного в социальном отношении — главы посвящены, соответственно, этническому, гендерному и субкультурному другому. Затем логика книги меняется и глава 6 посвящена «Экзистенциальному Другому», а затем, в главах 7 и 8, внимание автора привлекают животные и монстры.

Наиболее последовательны главы 3, 4, 5, которые исследуют существующие линии раздела в социальном воображаемом. Проблемы этнической толерантности, гендерного самоопределения и моделей идентификации субкультур сегодня «на топе», при этом все эти теоретические аспекты изучения идентичности и обратной ее стороны, «другости», весьма хорошо фундированы. Написана масса литературы, которая дает хорошо проработанную методологию исследования. Е. Н. Шапинская владеет этим бэкграундом и в хорошей пропорции сочетает теоретические выкладки и анализ собствен-

² Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. Красанд, 2012. — 216 с.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Об антропологических структурах сознания и основаниях работы воображения см.: Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. — Paris, Dunod, 1992.

⁷ Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. Красанд, 2012. С. 45.

⁸ Там же. С. 50.

КОНЕВА Анна Владимировна / Anna KONEVA

| Другой в пространстве репрезентации: о книге Е. Н. Шапинской «Образ Другого в текстах культуры» |

но текстов культуры. Из этих глав исключительно удачной можно назвать главу про гендер, где ставятся вопросы власти, характеристик мужского и женского взгляда, обсуждается взаимодействие взглядов и репрезентаций в современности, наконец, анализируется целый спектр проблем, связанных с женским текстом и собственно конструктом женственности, который автор трактует как один из образов Другого. Любопытна также позиция автора в отношении исследования постсубкультур — которые выступают некоей, скорее, имиджевой практикой, чем субкультурой как таковой. Заявленная тема стала как основы постсубкультурной идентичности представляется весьма плодотворной.

Наибольшее количество вопросов вызывает глава, посвященная экзистенциальному Другому. Возможно, на фоне остальных глав неудачным выглядит название, возможно, обращение к экзистенциальной тематике противоречит заявленной изначально методологии. Автор обосновывает этот тип «другости», «исходя из того, что в данном случае Другой позиционирует себя как таковой по собственному выбору и в то же время утверждает свой субъектный статус»⁹. Автор подчеркивает, что «другость» в данном случае не внешняя, а внутренняя. Но что значит «внутренняя другость» как не попытка самоопределения вне или в отношении к норме? То есть, в данном случае «другость» репрезентирует специфическую идентификационную модель. По сути, в данной главе речь идет об идентификационных практиках. Для современного дискурса уже стало общим местом говорить о полифонической, дрейфующей, разорванной и множественной идентичности. Но означает ли это тотальную шизофрению, погубившую целостную личность и дестабилизацию системы ценностей? По-видимому, нет, это не затрагивает экзистенции как таковой. Когда речь идет об идентификационных практиках, мы должны различать два уровня «базовой» идентичности — детерминированный телесностью и детерминированный социумом. По большому счету, глава, посвященная «Экзистенциальному Другому», должна была аккумулировать все практики различия, исследованные в трех предыдущих главах. Тогда оказались бы собранными воедино разные репрезентации Другого, сведенные к, словами Ф. Джеймисона, базовой социальной идентичности, то есть «автономному Эго»¹⁰. Если экзистенциальный Другой будет понят как зеркало автономного Эго, станет ясно, что те модели «другости», которые обсуждаются в данной главе, скорее могут быть названы моделями презентации и репрезентации индивидуальности. У рассмотренных в главе репрезентаций действительно есть общее экзистенциальное основание — все рассмотренные персоны (О. Уайльд, граф Рочестер, доктор Хаус) не испытывают потребности в любви. Но эта их черта не становится основанием для анализа и выделения типа — то есть действительно «экзистенциального» основания данный тип «другости» не получает.

Две последние главы представляют собой взгляд новый и чрезвычайно актуальный. Глава, посвященная животным и осознанию их «другости» (или другости по отношению к

ним), строится на изначальной оппозиции культура-натура, но при этом оперирует и антропологическими структурами воображения, исследуя антропоморфизацию животных, наделение их «голосом» (вернее, придание голоса «за них» человеком). Е. Н. Шапинская выделяет 4 разновидности дискурса другости природы — через призму гендера, антропоморфизма, оппозицию социальности и, напротив, распространения социальности на саму природу. Она рассматривает принципиальную дикость и прирученность как две «точки отсчета» в операции присвоения Другого — которые делают природу близкой нам, позволяют соотнести себя с природой: «Придавая животному — представителю Природы, сущности часто непонятной и враждебной человеку, — черты самого себя, человек делает свое существование более устойчивым...»¹¹. Помимо присвоения, Другость животного, как утверждает Е. Н. Шапинская, преодолевается любовью¹². Удивительно, что именно здесь впервые заходит речь о любви как способе диалога с Другим как равным, что позволяет признать и принять «другость», вместо того, чтобы тривиализировать ее, присваивать, отторгать либо превращать в зрелище. По сути, именно любовь как экзистенциальное основание индивидуальности, должна служить и основанием принятия Другого таким, каков он есть — то есть не таким, как Я. Тут мы попадаем вновь в спектр феноменологического рассуждения об интенциональности и контр-интенциональности, которая оказывает сопротивление, что и является манифестацией «другости» как чужого сознания. Разговор о любви и диалоге мог бы быть затронут и в более ранних главах — тем не менее, показательно и даже симптоматично для современности, что любовь преодолевает другость именно животного, ведь социологи уже вполне серьезно говорят о том, что появляется новый тип семьи — человек и домашнее животное.

Глава о монстре, возможно, затрагивает тему чуть менее «модную», чем тема «братьев наших меньших», однако, именно монстр как «типичный» Другой имеет наиболее яркое воплощение в текстах популярной культуры. Автор показывает нам эволюцию монстра и выделяет основные его типы — «химера», «горгона», киборг. Для современной эпохи, с ее техническими возможностями в кино и компьютерном пространстве, визуализация Другого как монстра — ужасного, злого, непредсказуемого — словом, Другого в роли Чужого, это своего рода терапия, рефлексия образа вселенского зла. Об этом написано и сказано немало, Е. Н. Шапинская тоже уделяет этому место в своей книге. Важно, что затрагиваются моменты эмоциональной реакции на монструозность, показывается необходимость базовой этической дилеммы, и ее неоднозначность в трактовках современными текстами культуры.

В целом книга «Образ Другого в текстах культуры», анализируя выборку наиболее репрезентативных, с точки зрения автора, произведений современной популярной культуры, обнаруживает ряд важных моментов. Помимо того, что образ Другого оказывается частью идентификационной модели, что, в общем, общепризнано, автор убедительно показывает,

⁹ Там же. С. 144.¹⁰ См.: Jameson F. Signatures of the visible. New York : Routledge, 1990.¹¹ Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. Красанд, 2012. С. 169.¹² Там же. С. 174.

КОНЕВА Анна Владимировна / Анна KONEVA

| Другой в пространстве репрезентации: о книге Е. Н. Шапинской «Образ Другого в текстах культуры» |

что выделение, различение Другого всегда опирается на некую доминантную властную позицию в культуре — будь то позиция господствующего этноса, мужской взгляд, официальная культура по отношению к субкультуре, либо позиция человека по отношению к животному или фантазму. Таким образом, анализ Другого, попытка его типизировать на основании ре-

презентаций в различных областях популярной культуры, выявляет стабильность функций Другого в отношении идентичности, преобладание позитивных стратегий взаимодействия с Другим, и, в конечном счете, подтверждают тезис автора книги о преобладании плюралистического взгляда на мир в современности.

